

— Э то сын звонит. Прости.

Виталий ответил на звонок.

— Да, конечно, позвони, как все пройдет, хорошо? Обязательно. Нормально себя чувствуешь? Выздоровел? Да, хорошо.

— Сколько ему сейчас?

— Семнадцать. В институт поступает. В МарХИ. Надеюсь, все хорошо будет. Я больше него волнуюсь.

— Ты ведь, кажется, с ним не общался? Не воспитывал, не растил. Даже видеть не хотел. Насколько я помню, ты был рад, что тебя избавили от обязанностей отца? Или меня память подводит? А теперь беспокоишься, как заполошный отец. Не находишь это странным?

— Я с ним виделся. Даже готовил к поступлению в художественную школу.

— Сколько дал уроков? Два или три? А что потом? Он тебе надоел?

— Не сложилось. Он палец порезал ножом, который я ему подарил, и его мать... это было ее решение.

— Да, а сейчас ты обрел готового взрослого сына. Подожди, а когда он узнал, что ты его отец? Кажется, это была страшная тайна?

Маша Трауб

— Он сам. Нашел документы. Спросил у матери. Ему было пятнадцать. Какая разница?

— Ну да, конечно, никакой разницы. Подросток вдруг узнает, что у него есть отец, которого он даже видел, но считал посторонним дядей. И все это время этот дядя не сделал ни единой попытки изменить ситуацию. И не собирался признать, что он — отец. Ты хоть понимаешь, что творилось в голове у мальчика? Удивительно, что он еще с тобой общается.

— Ты стала злая. Изменилась. Ведь знаешь, чего я хотел. Тебя. Все было из-за тебя. И тогда тоже. Если бы не ты, все было бы по-другому. Да, он приходил три или четыре раза, не больше. Мне он нравился. Его мать, Лена, она была не против — наоборот. Я бы обязательно признался. Но опять появилась ты. Позвонила и разрушила мою жизнь. Как делала всегда. Дожидалась момента, когда я начинал жить без тебя, дышать, и снова все ломала. Ради тебя я отказался от семьи, от сына. Только ты в этом виновата. Я был зависим от тебя. Ждал каждый день. Ты же все знаешь, зачем сейчас начала вспоминать? Когда мне было плохо, тебя никогда не было рядом. Ни разу. А Лена была.

— Ты не меняешься. У тебя всегда кто-то другой виноват. Так и не научился нести ответственность. Раньше обвинял жену и ее семью в том, что они лишили тебя сына и сделали так, чтобы ты его не видел. Теперь вот меня виноватой назначил.

— Ты тогда была на моей стороне.

— Нет. Тебе хотелось так думать. Я была ни на чьей стороне. Не имела права. Кто я? Любовница.

Посмотри на меня

— Любовь.

— Сейчас это не имеет никакого значения. Прошло все.

— Тогда зачем я тебе? Зачем ты появлялась? Почему не отпускала? И сейчас. Зачем пришла?

— Отпускала. Много раз. Ты меня не отпускал. Тебе нужны были мои коленки, ступни, шея, уши. До сих пор хранишь эти наброски? Они меня пугали, если честно.

— Храню. Я так и не написал тебя. Полностью. Уже не напишу.

— Ну почему? Я могу тебе позировать. Давай сейчас. Хочешь? И я перестану быть тебе интересной. Мы наконец расстанемся. Я за этим и пришла. Попрощаться. Уезжаю. Надеюсь, что навсегда.

— Далеко?

— Нет. Но достаточно далеко от тебя.

— Ты не ответила. Почему всегда возвращалась?

— Не знаю. Честно. Сначала была страсть. И да, ты прав — любовь. Безумная, ненормальная. Твои наброски. Они и пугали, и завораживали одновременно. Это была зависимость. В твоих набросках было столько страсти, столько желания. Мне нравилось смотреть на тебя, когда ты пишешь. А потом на себя на твоих рисунках. Разглядывать собственные грудь, плечо, локоть. Странная форма вуайеризма. Кстати, ты никогда не пытался совместить наброски? Как конструктор? А мне безумно этого хотелось. Вырезать и сложить на полу картину, как пазл.

— Мне это в голову не приходило.

— А я ждала картину. Хотела увидеть себя целиком. Ведь я тоже была как твои наброски — частя-

Маша Трауб

ми. Никак не могла себя собрать воедино. Ты это заметил, почувствовал. Или нет. Не знаю. Но мне казалось, что, когда ты завершишь картину, я сама стану полноценной. Настоящей. Понимаешь, я считала себя наброском, карандашным. Без красок, без теней. Вся моя жизнь была такая, набросанная наспех. Непрорисованная. Ученическим рисунком, на котором видны аккуратно обозначенные линии. Я все ждала, когда ученик превратится в мастера.

— Что изменилось сейчас? Почему ты уезжаешь?

— Мне надоело. Я устала. Ничего необычного. Хочу просто жить, наплевав на геометрию, композицию и пропорции. Раньше думала, что можно подтереть неудачи ластиком, заштриховать. Теперь понимаю, что проще порвать, сжечь холст и начать заново. Да, не морщись. Все настолько банально. Хочу начать жизнь с чистого листа. Посмотри на меня. Ты видишь? Здесь — целлюлит. Здесь — кожа провисла. Вот здесь — пигментные пятна. А здесь — новые складки. Раньше их не было. Не хочешь сделать новый набросок?

— Нет. Мне не нужно.

— А мне нужно. Если бы ты хоть раз посмотрел на меня по-другому. Ты не меняешься с годами. К сожалению. Я ждала много лет. Каждый раз, возвращаясь, надеялась. На что? Сама не знаю. Мыломочало, начинай сначала... Ты продолжал писать не меня, а придуманный образ. Меня, живую, не видел. Не хотел увидеть.

— Нет, я всегда писал тебя.

Посмотри на меня

— Посмотри на мою коленку. Ни на одном наброске нет этого шрама. Ты его не замечал. Видел, конечно же. Миллион раз. Но его нет на твоих рисунках. Даже ни разу не спросил, откуда у меня этот шрам. Хочешь узнать? Нет? Сколько моих коленок ты написал? Сто? Двести? И ни на одной нет этого здорового шрама. В детстве, мне было девять, я упала с велосипеда и наткнулась на кусок арматуры. Коленку зашивали. А едва рана стала заживать, только сняли швы, я опять поехала кататься на велосипеде и упала. На эту же самую коленку. Ты этого не знал. Тебе это было неинтересно, не нужно. Как лишняя, бессмысленная информация, которой не хочется засорять голову. Ты ни разу, пусть из вежливости, не спросил, как я себя чувствую, болит ли у меня голова, в конце концов. Как-то я приехала к тебе с загипсованной по локоть рукой. На перевязи. Ты, кажется, этого не заметил. Рисовал мои ступни, икры. Не помнишь? Конечно, нет. Если бы просто хоть раз поинтересовался, как прошел мой день. Сколько мы знакомы? Твой сын еще не родился, когда мы познакомились, вот и считай. И ты не знаешь, что я люблю, чего терпеть не могу. Что я предпочитаю — чай или кофе. Какие люблю фильмы, книги, музыку. Ты ничего обо мне не знаешь.

— А ты обо мне?

— О, это твой любимый прием — всегда отвечать вопросом на вопрос. Поверь, о тебе я знаю больше, чем ты думаешь. Не ешь сметану и терпеть не можешь любые блюда, залитые соусом. Ты пьешь кофе с одним куском сахара. Чай — только

Маша Трауб

с лимоном и без сахара. Тебя не раздражает пыль, но тут же хватаешься за тряпку, если видишь пятна на полу. Продолжать? И да, с тобой невыносимо находиться дольше четырех часов. У тебя появляется на лице выражение муки и страдания — до того хочется остаться одному, надоедает присутствие рядом другого человека. Даже раздражает. И ты абсолютный, кристаллизованный эгоист. А еще сноб. Не знаю, что хуже. Тебе наплевать, хочет ли другой человек есть или пить, если ты в тот момент не голоден и не страдаешь от жажды. Если я хотела просто посидеть в кресле, тебя это не волновало. Новый набросок занимал все твои мысли.

— Возможно, я эгоист, но точно не сноб.

— Разве нет? Кто такая Галя? А дядя Петя? Не знаешь? Потому что они для тебя никто, пустое место. Галя — консьержка. Она твою бабушку помнит. Рассказывала мне, как та всегда ей что-нибудь на праздники дарила — пусть цветок, коробку конфет, — но всегда останавливалась, спрашивала, как Галя поживает, как учится в школе ее внук. Ты ни разу с ней не поздоровался. Не кивнул. Дядя Петя — твой сосед снизу. Он курит на лестничном пролете. На лестнице проводит больше времени, чем в квартире. Жену похоронил пять лет назад. Она болела тяжело, дядя Петя подрабатывал сантехником, электриком, дворником, чтобы жене лекарства купить. Весь подъезд сбрасывался на похороны. Все дали кто сколько мог. Хоть копеечкой, но помогли. Все, кроме тебя. Я тогда отдала, сказала, что ты передал. Дядя Петя и у тебя засор чинил, прокладки в кране менял. Ты тогда ушел в комна-

Посмотри на меня

ту, оставив с ним меня. Тебе было противно, что от дяди Пети пахнет немытым телом и дешевыми сигаретами. Ты просто не считал нужным общаться с каким-то сантехником.

— Это не снобизм.

— Да, ты прав, это скорее открытое хамство. Ты можешь унижить человека, не заметив этого. Не слышишь собеседника. Всех, кто чуть меньше знает, автоматически считаешь идиотами. Даже меня считал полной дурой. Просто потому, что я ничего не понимала в живописи, не разбиралась в искусстве и не собиралась. Это тебя раздражало и заводило одновременно. Твоя жена. Хорошая, добрая женщина. Верная, преданная. Сколько она для тебя сделала? Ты хоть раз сказал ей спасибо? Ни разу. Принимал как должное. А ведь благодаря ей и ее семье получил дом, поддержку, пресловутый тыл, в которых так нуждался. Они тебя приняли. Сразу и безоговорочно. Со всеми твоими закидонами и потрохами. А ты их нет. Почему? Потому что твой тесть, как ты рассказывал мне, военный, солдафон, а значит, тупой по определению. Теща — неработающая домохозяйка — вообще твоего внимания не заслуживала. Разве нет? И жена — не красавица, не умница. Просто жена. И плевать тебе было на ее работу, на то, что она не трепала тебе нервы, не унижалась и одна растила сына. Ты хоть копейку ей сверх алиментов заплатил? Нет. Хоть раз поблагодарил за то, что она была рядом в самые тяжелые моменты? Нет. И она ни разу тебя не попрекнула. Ни словом, ни делом. У тебя даже друзей нет, не нажил за всю жизнь. Ни одного человека, которого

Маша Трауб

мог бы назвать хотя бы приятелем. А сейчас гордо объявляешь, что у тебя есть сын. Есть. Но ты спросил у него, считает ли он тебя отцом? Что творится у него в душе, в голове? Винит ли он тебя? Не спросил. Тебе ведь и в голову не пришло поговорить с ним, объяснитьсь хоть как-то. И перед ним извиниться. Мальчик, видимо, вырос воспитанный. И не может сказать тебе все, что думает. Исполняет свой сыновий долг, как его мать всегда исполняла свой — жены, хоть и бывшей, но не постороннего человека.

— Зачем ты мне все это говоришь? И если я такое чудовище, подлец и скотина, а ты все видела и понимала, почему была со мной? Все это время?

— Вряд ли ты поймешь. Да я и сама себя никогда не понимала. Каждый раз обещала себе, что этот раз — точно последний. Больше не приеду. Но иногда, в определенные моменты, ты был совершенно другим. Гением. Художником. Это завораживает по-настоящему. Никто никогда на меня так не смотрел. Будто моя нога или рука — шедевр, который невозможно повторить. Недостигаемый идеал. Благодаря тебе я чувствовала себя настоящей женщиной. Красивой. Да, наверное, поэтому. Ты давал ту уверенность в себе, которой мне всегда не хватало. Будто сеанс гипноза. От тебя я выходила другой. Той, какой никогда не была — яркой, дерзкой, наглой. На какое-то время хватало, а потом мне снова требовался твой взгляд. Как допинг или наркотик. Поэтому и возвращалась. За новой дозой. У нас была взаимозависимость. Мы подпитывали

Посмотри на меня

друг друга, так мне казалось раньше. Сейчас понимаю — это было взаимное разрушение. Нам было противопоказано жить вместе. Мы бы друг друга уничтожили. Высосали все соки, выпили бы всю кровь и умерли в один день.

— Мне бы этого хотелось.

— А мне нет. Я хотела жить. Без тебя.

— У тебя были другие мужчины.

— Были, но я их не помню. Точнее, вспоминать особо нечего. Я пыталась выжить между периодами существования с тобой. Была согласна на любого, лишь бы ты уже не стоял перед глазами, не снился каждую ночь. Эти кошмары невыносимые... Мне казалось, что с каждым твоим наброском я теряю часть себя. Отдаю себя по кускам и скоро от меня вообще ничего не останется.

— Ты уезжаешь к кому-то? У тебя кто-то появился?

— В том-то и дело, что нет. Я уйду не к кому-то, как было раньше, а от тебя. Одна. У меня никого нет, и я не уверена, что будет. Но я попытаюсь начать жить пусть не заново, но по-другому. Без тебя, без набросков, понимаешь? Забыть дорогу в твою сторону, номер дома. Квартиру твою стереть из памяти. Если бы изобрели технологию вроде лоботомии, по удалению части памяти, совершенно конкретной части, я была бы первым добровольцем, чтобы ее испытать. Разве тебе так не хотелось? Никогда?

— Нет. А мне что ты предлагаешь делать? Пожелать тебе удачи и пожать руку на прощание?

— Не знаю. Живи. Общайся с сыном. Постарайся вымолить прощение у своей жены и быть ей

Маша Трауб

хотя бы благодарным. Стань ей другом. Или предложи снова выйти замуж. Она согласится. Непременно. Наверняка только этого и ждет, ждала все эти годы. И вы вместе состаритесь. Будете сидеть рядом на свадьбе вашего сына, воспитывать внуков. Она непременно станет о тебе заботиться, приносить чай, следить за твоим давлением, проветривать комнату, как ты любишь. В солнечные дни вы будете гулять по парку — потихоньку, медленным шагом. Или сидеть на лавочке и молчать. Почему нет? Прекрасный закат твоей счастливой новой жизни, не находишь?

— Это невозможно. Ты сейчас специально? Издеваешься? Говоришь такие пошлые банальности...

— Вовсе нет. Разве мы с тобой, наша связь — не пошлая банальность? В этом ты тоже не изменился, к сожалению. Тебе проще списать все на глупость другого человека, чем признать, что это правда. Ты пошлый и банальный. Не хочешь тратить силы, эмоции, чувства. Или попросту лень. Что ты всегда хотел? Еще тогда, много лет назад, когда твоя жена подала на развод? Чтобы тебя оставили в покое. И потом мечтал только о том, чтобы все беды, неприятности решались сами собой, чужими руками разводились беды, решения принимались за тебя. Удивительно, что так все и случилось. Даже завидую.

— Я одного не понимаю — к чему этот разговор? Что ты хочешь мне доказать? Почему просто не уехала?

— Ну, считай, что я твоя вдруг заговорившая совесть. Хотя она у тебя, кажется, давно потеря-

Посмотри на меня

ла право голоса. Сейчас я — эгоистка. Все это говорю не для тебя, для себя. Мне самой нужен был этот разговор. Выговориться, чтобы не осталось недоговоренностей, сомнений, вопросов. Я ведь не только тебе жизнь сломала, как ты считаешь, но и себе. У меня никого и ничего нет. Даже ребенка. Наверное, это моя расплата. В бога я не верю, так что отмолить грех не получится. Я забеременела от тебя почти сразу. Мы едва начали встречаться. Очень перепугалась. Тогда я была не готова — вся жизнь впереди. Работала чуть ли не круглыми сутками, без отпусков и выходных. Видела, что и тебе ребенок не нужен. Так что сделала аборт на раннем сроке. Думала, еще успею. Все женщины делают аборты, а потом спокойно рожают. Мне казалось, что это как зуб мудрости вырвать — долго потом еще челюсть болит, но все проходит. Было совсем не страшно — я не чувствовала боли, не плакала, не испытывала моральных страданий. Все прошло легко и быстро. На удивление. Только потом я больше не могла забеременеть. Ни с тобой, ни с кем-то другим. Врачи говорили, все в порядке, я здорова. Надо подождать, надеяться. На что?

— Я не знал... что ты была беременна...

— Конечно, не знал. А зачем? Я даже была рада. Тогда. Знаешь, иногда безумно тебе завидовала. Ты знал, что у тебя есть ребенок. Где-то там, пусть не рядом, но он есть. И ты в любой момент можешь его увидеть, если захочешь. Получается, ты прожил не такую уж никчемную жизнь, как я. У тебя есть жена, пусть и бывшая, женщина, которая тебя